

Что счастье?
Довольно, что не трушу,
влача свое ничто через нигде,
покуда черти чертят эту душу,
подобно быстрым вилам на воде.

Из монастырской поэзии¹

¹ Приписывается Никколо Первому. По другой версии, написано Павлом Алхимиком — и изменено Никколо Первым под влиянием декадентов: в утерянном павловском оригинале якобы было «влача свой крест Мальтийский в темноте, || где Троица сию рисует душу, || подобно быстрым вилам на воде». В пользу этой гипотезы говорит то, что в Ветхой России времен Павла действительно распространены были вилы с тремя зубцами. Против этой версии — некоторая амбивалентность термина «Троица» в устах Павла Алхимика.

Предисловие

Я долго размышлял, имею ли я право писать о себе прежнем в первом лице. Наверно, нет. Но в таком случае этого не имеет права делать никто вообще.

В сущности, любое соединение местоимения «я» с глаголом прошедшего времени («я сделал», «я подумал») содержит метафизический, да и просто физический подлог. Даже когда человек рассказывает о случившемся минуту назад, оно произошло не с ним — перед нами уже другой поток вибраций, находящийся в ином пространстве.

Поэтому мудрые утверждают, что человек не может открыть рта, не солгав (я вернусь еще к этой теме). Меняется только количество неправды.

Когда человек говорит: «Вчера я выпил, и теперь у меня болит голова», это приемлемая ложь, хотя между вчерашним свежим кавалером и сегодняшним похмельным страдальцем часто не остается даже визуального сходства.

Когда же человек заявляет, например: «Десять лет назад я занял тысячу глюков на покупку уже сгоревшего к настоящему моменту дома», эта фраза вообще не имеет никакого смысла, кроме судебного — во всех прочих отношениях былой заемщик и сгоревший дом уже ничем не отличаются друг от друга.

Я собираюсь рассказать о себе молодом — и правильнее было бы, конечно, писать про «Алексиса» (мое официальное имя) или хотя бы про «Алекса» (это значит «беззаконник» на смеси греческого с латынью, шутил мой куратор Галилео).

Но именовать героя, которого по-настоящему знаешь изнутри, словом «он» — это литературщина чистой воды: повествование теряет достоверность и начинает казаться выдумкой самому рассказчику.

Поэтому я решился писать от первого лица. Но прошу помнить, что герой молод и наивен. Иные из мыслей я мог приписать ему ретроспективно.

«Я» в таком случае — нечто вроде телескопа, сквозь который я нынешний гляжу на пляшущего в пространстве моей памяти человечка, а человечек глядит на меня...

Я почтительно посвящаю свой труд памяти Павла Великого, императора-алхимика, не узанного на Ветхой Земле — и оставившего ее ради лучшей доли. В самое начало я помещаю отрывок из тайного дневника Павла — пусть он послужит вводным очерком к моему повествованию и избавит от нужды давать исторические справки.

*Алексис II де Кижже,
Смотритель Идиллиума*

I
**Латинский дневник Павла Алхимика,
ч. 1 (ПСС, XIV, 102–112, перевод)**

1782

De Docta Ignorantia

Веселый брат Фридрих (вернее было бы называть его дядюшкой, но масонство не предполагает таких обращений) пишет, что путешествие по Европе, предпринимаемое мною под именем графа Северного, могло бы войти в его учебник военной хитрости. Фридрих, верно, замыслил этот труд, когда маршал Геморрой обошел его с тыла, отрезав от последних греческих радостей.

Но на деле моя задача не так сложна, как он думает — венценосные лицемеры Европы так заморожены собственным хитроумием, что обмануть их не представляет труда и простоту (коим я, вслед за Николаем из Кузы, искренне полагаю себя самого).

Иллюминаты, самое злобное и вероломное из нынешних европейских течений, достойны места в учебнике Фридриха куда больше. Их тактика отменна — они маскируются под масонов, проникают в их ложи и постепенно выедают их изнутри; так, говорят, поступают некоторые паразиты насекомых, откладывая свои яйца в еще живых гусениц. Увы, иллюминаты далеки от настоящей Работы — на уме у них лишь власть и деньги. Поэтому не зазорно поступить с ними так, как сами они поступают с гусеницей масонства.

Через неделю в Вене примут в иллюминаты. Ложа будет думать, что заполучила в свои ряды будущего императора

России — с ее огромной территорией и армией. Я же превращу иллюминатов в тайный рычаг Братства. И этим рычагом мы вскоре перевернем всю землю. Нашим Архимедом будет брат Франц-Антон, а точку опоры ему дам я. Результаты опытов столь обнадеживающи, что сомнений в удаче нет.

Вот вкратце моя сегодняшняя «Мудрость Простеца».

1783 (1)

Aurora Borealis

Я полагал, брату Францу-Антону уже ничем не удастся удивить меня. Но увиденное в Париже поразило меня до сокровеннейших глубин души. Природа его открытия такова, что наши прежние планы, несмотря на их величие, кажутся теперь ничтожными. Возможно совсем иное — и грандиозное. Все превосходные степени человеческих языков бессильны его даже коснуться.

Брат Франц-Антон колеблется — он говорит, что наша власть над Флюидом недостаточна. Как ни странно, мой самый близкий единомышленник в Братстве, сразу принявший мой план, — это брат Бенджамин.

Возможно, дикие и безрадостные просторы Америки (Бенджамин выполняет в Париже обязанность американского посланника) приводят ум в бесстрашное состояние, свойственное и русским, не слишком ценящим свою жизнь. А наседающее со всех сторон дикарство заставляет наших антиподов задуматься о побеге точно так же, как это делаем под гнетом своей утонченности мы, европейцы.

Брат Бенджамин весьма колоритен. Здесь шутят над его меховой шапкой, а он заморожен Версалем и Трианоном. Думаю, из него получился бы неплохой король Америки — или хотя бы, как здесь острили, *Le Duc des Antipodes*¹. Великолепная парочка — *Le Comte du Nord et le Duc des Antipodes*.

Брат Франц-Антон здесь в большой моде. Кроме высшей аристократии и короля, посвященных в тайну, у него много последователей среди простолюдинов. Те понимают под сло-

¹ Герцог де Антипод (*фр.*).

вом *mesmerisme* нечто дикое — знахарство вроде практикуемого в глухих российских углах сельскими колдунами.

Это смешно, но и мудро, ибо в тайну уже посвящено столько людей, что скрыть ее полностью было бы невозможно. Лучшее спрятать ее под ложным пониманием, коим люди нашего века столь радостно пропитывают свои мозги.

У брата Франца-Антоня можно поучиться не только искусству власти над Флюидом, но и этой широко распахнутой во все стороны скрытности. Поступим же по его примеру — скромно горошину истины в озере лжи.

Новая ложа, основанная нами, будет называться «Всемирная Аврора». Она будет всячески пропагандировать лжеучение, распространенное в народе под именем *mesmerisme*. Подлинное же искусство управления Флюидом будет доступно лишь скрытому внутри этой ложи ордену, который мы назовем *Aurora Borealis*. Свет сей Авроры увидят только избранные. Пусть истинная заря восходит под покровами ложной, отчасти разделяя с ней имя.

А если и этого недостаточно, чтобы скрыть Тайну, есть средство верное и окончательное, при одной мысли о котором мне делается весело: мы уже приняли к себе Калиостро, и за короткое время он наделает своими тестикулами столько пустого звону, что истину позабудут даже те, кому она случайно открылась.

1783 (2)

Среди современных ученых считается хорошим тоном отрицать, что дух может действовать на материю — это как бы выводит их из юрисдикции Римского Папы.

Один такой умник из числа братьев говорил сегодня Францу-Антону на собрании ложи, что методами науки можно наблюдать лишь то, как один материальный предмет влияет на другой, — все же прочее есть просто акт веры. Франц-Антон изрядно рассмешил собравшихся, задав ему такой вопрос:

«Вам, друг мой, случается ли захотеть выпить вина — или выглянуть в окно?»

«Да, — ответил ученый, — бывает».

«И ваша рука тянется к бутылке или к шпингалету, не так ли?»

«Именно так, — ответил ученый, — и я понимаю, что вы скажете дальше, почтенный брат мой, — но это лишь действие сугубо материальных причин, таких как жажда и духота, на мышцы моего тела».

«Тогда, — сказал Франц-Антон, — рассмотрите следующий казус: какой-нибудь Карл Пятый решает, что его честь задета, и на следующий день стотысячная армия с пушками, весящими много тысяч фунтов, переходит границу. При этом лошади, тянущие за собой пушки, обильно покрывают навозом все окрестные дороги... Разве тут не случай воздействия духа на материю?»

Ученый молчал.

«Я специально упоминаю навоз, — продолжал Франц-Антон, — потому что заметил — при диспутах со жрецами материи именно эта субстанция отчего-то действует на их воображение самым непобедимым образом...»

Когда мы остались в кругу посвященных в высшую тайну, Франц-Антон, как бы вслед этому анекдоту, сказал несколько слов о природе Флюида. Запишу, пока помню дословно.

«Между материей и духом лежит отчетливая и непроходимая пропасть, которую признают мыслители всех веков. Также отчетлива и несомненна их связь. Раньше я думал, что Флюид — именно то, что связывает материю с духом. Теперь же я полагаю Флюид тем, из чего возникают и материя, и дух. И по этой самой причине он может служить между ними мостом. Устремлять разум далее не следует — сохраняйте почтительное неведение насчет остального... *Chute, monsieurs, chute...*»

1783 (3)

Не все иллюминаты находятся под нашим контролем — есть и такие, что пытаются нам помешать. Невероятно, но они полагают, будто этого требует их долг перед Верховным

Существом (под ним они обыкновенно понимают Бафомета). Они пытались убить Франца-Антоня: к нему подослали итальянца-бретера, считающегося великим фехтовальщиком.

Как легкомысленно со стороны Франца-Антоня было принять вызов! Но бретер назвал его *ciarlatano* — редкое итальянское ругательство, с которым Франц-Антон, по несчастью, знаком. Вчера еще он смеялся над Карлом Пятым — а сегодня увидел в случившемся *point d'honneur*. И таков разумнейший из людей, мне известных! Споткнуться на великом пути о собственную выдумку...

Еще глупее вышло остальное. Дуэль была тайной, но я смог на ней присутствовать. Бретер был настроен решительно — я понял это, перекинувшись с ним парой слов. По лицу Франца-Антоня было ясно, что он собирается играть благородного кавалера до конца и будет, вероятно, убит.

Следовало сделать выбор, и я его сделал: не успели они начать, как я парализовал фехтовальщика силами Флюида — и так удачно пережал ему мышцы, что бедняга, не успев сделать ни одного толкового выпада, свалился на шпагу Франца-Антоня. К счастью, тот держал ее под нужным углом.

Франц-Антон ничего не заподозрил — дуэли для него в новинку, и он был слишком взволнован видом крови. А вот фехтовальщик понял все. Когда я склонился над ним, он прохрипел:

«Не знаю, какою силой вы погубили меня, сударь, — но теперь я спущусь на дно ада, чтобы овладеть ею. А потом вернусь и отомщу!»

На моей совести его жизнь. Никогда не забуду глаза бедняги. Он был жестоким убийцей — но заслужил умереть от удара шпаги. Впрочем, формально он от него и скончался.

Говорят, когда человек гибнет, охваченный жадной мести, дух его и вправду может доставить серьезные неприятности. Но главное, Франц-Антон жив. И считает теперь себя героем-дуэлянтом. Как любит повторять он сам — *monsieurs, chute!*

Понимаю королей, запрещающих поединки под страхом суровой кары. Поистине, иной раз жалко, что мы не в России. Пороть, только пороть.

Великая Работа близится к завершению. Даже не верится, как много сделано, — иногда, просыпаясь, я думаю, что все это лишь привидевшийся мне сон. Но стоит провести в лаборатории час или два, и уверенность в успехе возвращается.

От брата Франца-Антоня прибыла новая Шляпа Могущества, спрятанная в черную треуголку. Открытая металлическая конструкция удобнее и легче, но эту можно носить, не вызывая любопытства. Связь с медиумами устойчива и не зависит от огромного расстояния между нами.

Флюид дает несомненную власть над неодушевленной материей — и власть эта такова, что велика даже для императора. Но как вдохнуть в вещество душу? Как и чем оживим мы новый мир?

Здесь нужны ежедневные опыты; нельзя тратить ни минуты на пустые досуги — лучше прослыть самодуром-затворником, чем упустить великую цель.

Брат Бенджамин сообщает: иллюминаты под его началом готовят в Париже великую смуту. Это будет, пишет он, не просто бунт черни, а первая в своем роде революция, неудержимый вихрь цветов и красок, как бы огромный обгаренный кровью карнавал, к которому немедленно примкнут все праздные умы, полагающие себя свободными в силу своей развращенности.

Жестокое, но разумное решение: те, кто знают тайну, но не последуют за нами, умрут. Брат Луи, не принявший нашего плана, — увы, тоже. Это позволит нам быстро и без помех завершить начатое и скрыть следы.

Не сомневаюсь, что задуманная смута удастся. Подготовка потребует несколько лет; первое время брат Бенджамин будет руководить всем лично, пресекая несогласие грозными манифестациями Флюида.

Надеюсь, что Высшее Существо простит нас, ибо великое дело требует великих жертв.

Увы, мы не были кротки, как голуби.

Сможем ли овладеть мудростью Змея?

(записи 1785–1801 считаются утраченными)

1801, март

Следы моих занятий в лаборатории уничтожены; петербургский заговор, с которым любезно помог английский посланник, готов. Великому Магистру никто не смеет перечить в его маленьких странностях. Киж знает, что ему предстоит, но верит мне полностью. Слово императора что-то еще значит.

Все нужные мне вещи — таблицы модусов Флюида и несколько манускриптов — поместились в один походный сундучок. Остальное изготовим на месте.

В одной из комнат Михайловского замка я сделал из Флюида подобие двери, позволяющей проходить в мою удаленную лабораторию в Идиллиуме. Комната в замке и лаборатория совершенно совпадают по форме; сев на стул в одном месте, я могу встать с такого же в другом. Благодаря этому мои опыты не прерываются. Никто не может последовать за мной. Как только я закрываю невидимый проход, он исчезает.

Что подумают об этой комнате, когда войдут сюда? Ее, верно, примут за место для тайных свиданий — или за пыточную камеру (чтобы дать пищу пытливым умам, я бросил на полу сахарные щипцы и плетку). Так странно видеть приют моих бессонных ночей пустым... Оказывается, здесь куда больше места, чем мне казалось.

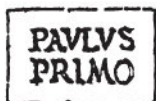
Киж третьи сутки спит на походной кровати в моей спальне. Двери отперты, караул распушен. Киж говорит, что ему совсем не страшно, — но дело, должно быть, в опиумной настойке, к которой у него прорезался изрядный вкус. Я выполнил данное ему обещание.

Пьяные заговорщики пусть тешат себя мыслью, что убили магистра Мальтийского ордена. На деле я мог бы заколоть их простой зубочисткой прежде, чем они успели бы испугаться, — но какая мне радость произвести впечатление на нескольких дышащих луком офицеров, не умеющих даже соблюсти свою присягу? Пусть судит их Верховное Существо.

СМОТРИТЕЛЬ

Моя же награда в том, чтобы пройти по земле незаметно — как поступали мудрые во все времена. Непросто сделать это, родившись в горностаевой шкуре. Но я, кажется, смог.

Здесь императором был я. В Идиллиуме им станет каждый.

habell!

II

Фельдъегерь в красной камилавке склонил красивое лицо к окошку самоходной кареты и сказал:

— Дорога до станции не так уж далека, сударь. Дам вам совет — начинайте покаяние прямо сейчас. Тогда нам не придется ждать в чистом поле, пока вы его завершите...

Совет его был весьма настоятельным: договорив, он закрыл окошко, и я оказался в темноте.

Перед личной встречей со Смотрителем полагается очистить душу, совершив так называемое Большое Покаяние — вспомнить всю свою жизнь и раскаяться в совершенных грехах («переосмыслить» их, как поясняют монахи Желтого Флага).

Разумеется, если делать это добросовестно, вспоминая каждого раздавленного муравья, Смотрителю придется ждать очень долго, поэтому разновидность покаяния, рекомендуемая на практике, называется «быстрым Большим Покаянием»: кающийся осмысляет лишь то, что само проявляется в памяти. Если кается солик, он вспоминает созданный им мир — и сокрушается о его недостатках.

Но моя двадцатидвухлетняя совесть была не то что чиста — ее вообще ни разу не доставали из чехла, где она хранилась. При моем образе жизни для этого не было повода, ибо я принадлежал к роду де Кижэ — что одновременно считалось и высочайшей честью, и проклятием.

Проклятие нашего рода в том, что все де Кижэ обречены жить в Идиллиуме. Они не могут уйти в личное пространство. Но есть известное суждение диалектиков на наш счет: если ты — де Кижэ и рос в Идиллиуме, тем самым ты его создавал, хотя бы отчасти. Поэтому при подобных религиозных процедурах нам полагается думать про Идиллиум — и каяться за его недостатки (или за то, что мы по неразумию таковыми считаем).

Это я и начал делать.

Идиллиум, думал я неторопливо, это большой остров или маленький материк, кому как нравится. В силу особенностей рельефа здесь сосуществует множество разных климатических зон. Вокруг — море. Кругосветных путешествий никто не предпринимал, но, если мы решимся на это, нашему миру придется, видимо, расстаться с приятной неопределенностью своего статуса и стать залитым водой шаром.

Столица наша тоже называется «Идиллиум», хотя много раз делались попытки переименовать ее то в Пауловиль, то даже в Архатопавловск (от чего, по-моему, разит совершеннейшей Ассирией). Самым изящным из предлагавшихся вариантов было, на мой взгляд, название «Светопавловск» — но не прижилось и оно. Дело, наверно, в том, что термин *Idyllium* ввели в обиход Трое Возвышенных — и лучшего способа увековечить память одного из них нет.

Столица наша довольно скучна. Здесь постоянно окочачиваются в основном чиновники да монахи, посвятившие себя защите мироздания и постижению его тайн. Они состоят в орденах «Желтый Флаг» и «Железная Бездна» (различить их довольно просто по татуировкам; кроме того, у первых медитативные резонаторы имеют вид маленькой медной головы, а у вторых это череп).

Этим орденам мы обязаны очень многим — в том числе техникой и культурой. Именно ими был создан *Corpus*

Anonymus, как называют сочинения монастырских писателей и поэтов, давших обет анонимности. Но в столице живут не только монахи — селиться тут может кто угодно, и народу на улицах довольно много.

Когда я говорю «обречен жить в Идиллиуме», это не значит, что участь де Кижэ совсем уж горька. Идиллиум вполне себе счастливое местечко, и бежать из него ни к чему. Но это лишь центральный перекресток мира — узел, делающий возможным все многообразие опирающихся на него личных вселенных.

Если живущий в Идиллиуме человек чувствует в своей груди свободу и силу (а это всегда зависит больше от внутренних причин, чем от внешних) и если он к тому же наделен фантазией и волей, Флюид становится к нему благосклонен — и человек получает возможность совершить то, что с легкой руки Бенджамина Певца называют у нас «coming in»: создать свой мир. Для этого он уходит на одну из наших невнятных границ — берег моря, пустыню, лесную чащу или любую другую из «внутренних территорий», как называют пригодные для практики места.

Он селится в простой хижине, выбирает благоприятное для созерцания направление и, повернувшись туда лицом, сосредотачивается на образах мира, куда хотел бы уйти. Если душа его чиста, а сосредоточение достаточно сильно, Ангелы соглашаются ему помочь, и Флюид воплощает его мечту, открывая перед ним двери в новый мир.

Таких людей называют соликами (кажется, этот термин происходит от брака слов «solus» и «стойк», но монастырские поэты видят в нем «соль четырех великих элементов — земли, воды и воздуха с огнем»). В официальных бумагах «каминг ин» принято именовать Великим Приключением, но говорят так редко.

Иногда солики возвращаются из личных странств — чаще всего ненадолго. На улице сразу можно

узнать вернувшегося солика по диковатому взгляду и необычному внешнему виду — от крайне сурового до избыточно утонченного.

Соликов уважают. Принято считать, что первыми из них были Трое Возвышенных, наши отцы-основатели. Но в полной мере это относится, пожалуй, только к Бенджамину Певцу в силу его связи с музыкой. С Павлом и Францем-Антоном сложнее: мир, куда они вывели избранных с Ветхой Земли, нельзя назвать чьим-то индивидуальным проектом, потому что его теперь продолжаем мы все.

Франца-Антоня даже называют новой ипостасью Бога-Творца. Но разве быть Творцом — личное приключение? Твари из ковчега вряд ли согласятся. Впрочем, теологи решают эту проблему запросто, такая у них работа — только слушай.

Карету сильно трясло на ухабах, и мои мысли из-за этого выходили какими-то рваными. Если уж мне выпало каяться за Идиллиум, думал я, надо обязательно пожаловаться на то, что мне никогда не хватало наших денег, глюков.

Glück по-немецки — «счастье». Изобретена наша расчетная единица была лично Павлом Великим, склонным к педантичному буквализму: эта валюта обеспечена не хранящимся в банке золотом, не льющейя в мире кровью и не экспортируемым в другие земли хаосом, как в разные времена практиковали менялы Ветхой Земли, — а непосредственно переживаемым счастьем.

Известный объем счастья может быть экстрагирован из монеты любого достоинства с помощью простейшего устройства, глюкогена, продающегося обычно за символическую сумму — ровно один глюк. Сама монета чернеет, и на ней проступает символ «С» — то есть «погашено».

После этого она годится лишь на переплавку — ее больше не примут ни люди, ни торговые машины.

Глюкоген в виде изящной костяной трубки был у меня с десяти лет — подарили на день рождения. А вот глюков для возгонки почти не водилось. Они, как полагали мои учителя, могли помешать моему образованию.

Глюки детям ни к чему, гласит известная пошлость, отчего-то выдаваемая у нас за мудрость. Наоборот, господа, наоборот — это взрослым глюки не нужны. Они способны доставить настоящее счастье только ребенку: для него распустить монету в глюкогене подобно короткому и свежему морскому путешествию.

Чем старше мы становимся, тем меньше радости в такой процедуре — богатому старику она напоминает щекотку, даже не особо приятную. Поэтому взрослые редко возгоняют глюки в счастье просто так, а копят их и копят — чтобы купить какую-нибудь ерундовую вещь, которая, по их мысли, и должна принести им то самое счастье.

Любому ребенку, однако, ясна глупость подобной транзакции, следующая из уравнений духовной физики: в покупаемом предмете не может заключаться больше счастья, чем в расходуемых на него глюках, ибо часть содержащегося в монетах счастья будет неизбежно потрачена на социальное трение и прочие издержки.

Но в разном возрасте счастье имеет разный вкус, ибо сделано из нашей собственной энергии — тут ничего изменить не смог даже сам Павел Алхимик. Для старичья, наверно, инвестиции действительно лучший выход. Поэтому символично, что в именных ассигнациях на большие суммы никакого счастья уже нет — хоть за каждую можно получить целый мешок глюков.

Другим интересным нововведением Павла стал Единый Культ, где после Трансмиграции были объединены

святости и идеалы всех религий (что, по счастью, сопровождалось уничтожением большинства религиозных запретов).

У Единого Кульга сложная теология, но лучше всего его суть выражает запомнившаяся мне с младенчества фраза из детской книги для чтения:

«Один человек, обращаясь к Богу, скажет „Иегова“, другой — „Аллах“, третий — „Иисус“, четвертый — „Кришна“, пятый — „Брама“, шестой — „Атман“, седьмой — „Верховное Существо“, восьмой — „Франц-Антон“. Но Бог при этом услышит только „эй-эй!“ — и то если очень повезет...»

Книга, конечно, хитрила — число «восемь» в Едином Культе считалось счастливым и сакральным. Главным символом Кульга стал так называемый павловский (бывший мальтийский) осьмиконечный крест — соединивший в своих раздвоенных лучах христианское пересечение горнего и дольного с благородным восьмеричным путем последователей принца Сиддхартхи.

А самым спорным элементом новой религии мне всегда казалось метафизическое положение о божественности Франца-Антоня, одного из Трех Возвышенных. Это следовало понимать не иносказательно, а буквально: Франц-Антон преодолел физическое и стал потоком благодати, изливающимся на Идиллиум (и одновременно самим Идиллиумом). С точки зрения высокой догматики все мы — просто мысли, случайно приходящие ему в голову.

«Господь Франц-Антон больше не управляет Флюидом сам, — звонко отвечал я на уроках. — Он удалился в абсолютное спокойствие, равновесие и невмешательство. Он позволяет вещам изменяться в соответствии с их собственным путем...»

Но в это, конечно, мало кто верил: трудно обосновать трансформацию физического тела в благодать иначе, чем опираясь на саму же благодать, полученную из такой трансформации. А у Павла Великого и Бенджамина Певца божественного статуса почему-то не было (хотя некоторые из теологов утверждали, что голосами Бенджамина поет не кто иной, как сам Господь Франц-Антон). Павел же был просто первым Смотрителем.

Но за слишком смелые рассуждения на эту тему можно было заработать хорошую порцию розог, и не только в детстве: заведенный Павлом порядок соблюдался свято. Павел же полагал, что теологов и философов следует еженедельно пороть, чтобы вернуть их к фундаментальной дихотомии «материя — ум», которую они, пренебрегая личной духовной практикой, склонны забывать в своих эмпириях.

Впрочем, думал я, трясясь в темноте на ухабах, слишком долгое покаяние за мелкие нестыковки Идиллиума неуместно с моей стороны — его ведь на самом деле создал не я, а Трое Возвышенных. Я просто здесь вырос. Но лучше уж немного перестараться. А покаявшись за Идиллиум, можно начинать каяться за свой род и себя лично.

Это будет несложно.

Есть люди, оставившие довольно много потомства. К их числу относится и наш родоначальник, носивший простую русскую фамилию Киж (это было еще до того, как при Антонио Третьем в моду вошли имена, искаженные на французский, итальянский и античный манер).

Киж, известный своим распутством («великим развратом», как удачно выразился один из переводчиков Светония), был одним из сподвижников Павла Великого и оказал императору неоценимую услугу. Он взял у судьбы

Содержание

КНИГА I. Орден Желтого Флага	5
КНИГА II. Железная Бездна	225